

УДК 821-84

М.Л. Размолодин**ПРАВОСЛАВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ЧЕРНОСОТЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ**

Рассматриваются вопросы, связанные с православно-религиозными корнями черносотенной идеологии. Проведенный анализ показывает, что в основе крайне правой доктрины лежала сформулированная в XIX в. графом С.С.Уваровым формула «Православие, самодержавие, народность», включавшая как религиозную, так и национальную константы. Триединство стало фундаментом черносотенной идеологии, на котором строились остальные положения их доктрины.

Ключевые слова: черная сотня, крайне правая идеология, консерватизм, базовые ценности русской цивилизации.

Название «черная сотня» стало собирательным для нескольких десятков союзов и организаций, действовавших на политическом поле России с начала XX в. и до 1917 г. включительно. Наиболее заметными среди них были Союз русского народа (СРН), Русское Собрание, Русская монархическая партия, Союз им. Михаила Архангела (СМА) и Союз русских людей, объединившие многомиллионные массы в защите традиционных устоев. Теоретико-познавательная модель черносотенной идеологии во многом идентична такой же русского консерватизма. Их тождественность обусловлена общностью духовного ядра – защиты православия и национальной традиции. Несмотря на обилие программных установок монархических партий, идейное ядро черной сотни было написано на ее знаменах – Православие, самодержавие, народность (далее ПСН). Триединство выступает здесь как квинтэссенция консервативно-политической философии, включавшей в себя и религиозную, и национальную константы. В черносотенной идеологии триединство ПСН приобрело национальное содержание, проявившись в духовном, культурном и политическом измерениях, и отражало абсолютные принципы национально-государственного бытия, составившие исторический облик России. По существу русский консерватизм «национализировал» элементы уваровского триединства, ставшие национальной идеей русского народа. «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском», – заявляло в мае 1907 г. «Русское знамя» [1].

Указанная триада пришла к крайне правым из 30-х гг. XIX в. практически в готовом виде, будучи сформулирована и введена в оборот такими идеологами отечественного консерватизма, как С.С. Уваров, М.Н. Катков и др. Триединство получило широкое распространение в начале XX в. именно благодаря черносотенным союзам, поместившим его элементы на своих хоругвах и тем самым провозгласившим себя приверженцами русской консервативно-государственнической традиции.

Став мировоззренческим кредо черносотенных организаций, теория официальной народности (далее ТОН) выполняла двойную функцию, включая в себя и христианские и национальные исторические «русские

начала». На страницах официальных документов черносотенных организаций элементы триединства определялись как «главные духовные ценности и принципы», основа «русского государственного строения и народного быта», «незыблемые основы отечественной самобытной государственности» и провозглашались всеми правыми партиями на всем протяжении их существования. Значимость триединства определялась фактом существования невиданной в истории человечества по размерам и национальному составу империи и рассматривалась как фундамент могущества и непобедимости государства. «А крепость его в том, чтобы власть твоя, Великий государь, исконная самодержавная, врученная русским народом предку твоему, Михаилу Федоровичу, стояла незыблемою и нерушимою, земля наша русская – единою и неделимою, вера наша православная в России – первенствующею», – заявлял председатель СРН А.И. Дубровин на приеме у Николая II 23 декабря 1905 г. [2]. Нерасторжимость православной веры и самодержавной идеи с народностью, по убеждению идеологов черной сотни, предопределяла их национальный характер. Наличие внутренней связи элементов триединства обуславливалось их принципиальной невозможностью существования в отрыве друг от друга. Черносотенцы не рассматривали каждый элемент триады как отдельную составляющую, утверждая, что без привязки с другими они теряют свою силу. Без православия и народности нет истинного самодержавия, как и наоборот. Все элементы конструкции фокусировались в личности монарха, который являлся «персонификацией духа нации», носителем и олицетворением ее культурного и политического идеалов. Таким образом, наряду с православием (религиозный элемент) русская народность (национальный элемент) занимала равнозначное место, так как и самодержавие и православие, вытекали из свойств и характера самого русского народа. Постановления III Частного совещания представителей отделов СРН, состоявшегося в марте 1909 г. в Ярославле, четко и недвусмысленно заявляли, что самодержавная государственность зиждилась на «святости православной веры», «твердости государя» и «разуме русского народа» [3. Л. 653].

Став символом веры православного государственного мышления, ТОН была безоговорочно мобилизована черносотенными организациями, так как, во-первых, имела христианскую основу, во-вторых, декларировала национальный самобытный путь развития России, отвергая западные универсальные стандарты путей развития общества. «Союз русского народа есть собрание людей всех сословий и состояний, братски объединенных между собою одною мыслью, одним стремлением охранять и отстаивать начала исконного исторического бытия России», – утверждалось в Своде основных понятий и положений русских монархистов, выработанных Всероссийским съездом Русских людей в мае 1912 года [4]. Триединство стало фундаментом черносотенной идеологии, на котором строились остальные положения их доктрины. Именно это триединство и стало лозунгом, мировоззренческим кредо черносотенных организаций, дав серьезный импульс для дальнейших идеологических разработок. «Эмблема монархических организаций Бог, Царь, Отечество – сама правда жизни, это – единственный путь для свободы и прогресса, для защиты бедных, угнетенных, униженных и оскорбленных», – писало «Русское знамя» [5].

Черная сотня вполне вписывается в типологию консервативного движения, так как подпадает под характеристики, которые были присущи европейскому и русскому консерватизму. Важнейшей характеристикой идентичности черносотенной идеологии как консервативной является приверженность универсальной христианской религиозной традиции. Православное миропонимание являлось отличительной чертой черносотенной доктрины. Несмотря на декларируемое равенство элементов триединства, приоритетное положение в формуле занимал религиозный принцип (первый среди равных). Исключительное положение православия определялось его ролью в формировании двух других элементов – самодержавия и народности. В Своде основных понятий и положений русских монархистов православная вера определялась как «краеугольный камень» триединства и «основание начал русской жизни» [6]. По мнению крайне правых, русская цивилизация выросла под сенью православной веры, которая духовно окормляла русское цивилизационное сообщество на протяжении всей его истории и являлась духовным оплотом русского народа. Черносотенцы полностью разделяли мнение С.С. Уварова, поставившего на первое место Православие, видя в нем душу России, источник ее неповторимого национального облика и самобытной государственности. Силу Отечества С.С. Уваров обнаруживал в том, что, в то время как в Европе происходило «падение религиозных учреждений», «Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия» [7. С. 70]. Реализация формулы означала усиление роли РПЦ в общественно-политической жизни страны.

На фоне усиления секуляристских тенденций в общественном сознании черносотенцы открыто провозглашали себя приверженцами универсальных христианских ценностей и православного взгляда на мир как борьбу двух непримиримых начал. Здесь приверженность Православной церкви не являлась рецепцией бессознательного рефлекса, а была вполне осознанным выбором: «Мы, православные, знаем, что в жизни человека существуют два пути: правый и левый. Нам дана свобода воли, мы можем делать так, как нам хочется: идти направо – к Богу или налево – к дьяволу, но вера наша предупреждает нас и говорит направо – к спасению, налево – к гибели, выбирай сам», – писало «Русское знамя» в январе 1916 г. [2]. Борьба со злом рассматривалась как одна из форм подвижнической деятельности. Традиционалисты в решении вопросов жизни должны были руководствоваться только учением Христа и указаниями церкви: «Другого руководства мы, правые, не должны принимать», – разъясняла черносотенная пресса [2]. Приверженность черносотенцев православным канонам в оценке происходящих общественно-политических событий давала либералам основания для их критики за религиозный фундаментализм. Религиозность крайне правой идеологии обнаруживается в анализе и собственной деятельности, и причин имевших место неудач. В 1910 г. Ярославский отдел СРН сообщал в «Русское знамя»: «Оглядываясь назад и проверяя результаты нашей деятельности, мы с грустью должны признать, что не осуществилась и малая доля тех надежд, которые мы лелеяли в своей груди; а истекший 1910 год принес нам одни только раз-

очарования и прошел не только бесплодно для русского дела, но и внес в ряды наши дезорганизацию, смуту и раздор, приводя к гибели все благие патристические начинания». Причины злоклучений обнаруживались в грехе гордыни: «Сознаемся, друзья, что первые же наши успехи слишком скоро вскружили нам головы, и мы, забыв, что Бог гордым противится, чуть не с первых шагов нашей союзнической деятельности стали кричать: «шапками закидаем»», а также в отходе от руководящего водительства церкви: «Задавшись целью играть политическую роль, не забыли ли мы, что вся суть политики Православной церкви должна заключаться в неуклонном стремлении верных сынов ее всегда пребывать в теснейшем единении с святой Христовой церковью, в послушании самим Богом постановленным пастырям, с готовностью умереть с радостью за исповедание святой веры, если Господь от нас этого потребует. И вот эту-то первую задачу нашу – следовать неизменно пути, по которому идти зовет нас Святая Мать-Церковь Христова, мы не исполнили с самого начала нашего объединения: вера для нас была не первой-шей святыней, которую мы должны были отстаивать до последнего издыхания» [8]. Для преодоления создавшегося положения ярославские черносотенцы предлагали методы из религиозной практики: усиление руководящей роли церкви над организациями, укрепление православного духа и братское объединение на почве религиозной.

Исходя из определения консерватизма как идеологии, стоящей на защите христианской и национальной традиции, критерием различия черносотенной и националистической (в том числе фашистской) доктрин является отношение к религиозной константе. Идентичность функции защиты национальной традиции и обусловила формирование ложного мнения о черносотенной идеологии как тождественной националистической и фашистской. Ошибка исследователей состояла в том, что, акцентируя внимание именно на национальной защитительной функции черносотенной идеологии, они не замечали или преднамеренно отбрасывали основу основ черной сотни – защиту христианской, а в конкретном случае православной традиции.

Националистические (в том числе фашистские) партии являлись носителями и выразителями дехристианизированного сознания и антихристианских социальных концепций. Черносотенцы, остававшиеся на позициях религиозного восприятия мира, разделяли точку зрения Ильина, который писал: «Духовная культура XIX века и XX века есть культура секуляризованная. Но она отделилась, обособилась не только от христианских исповеданий; нет — она утратила религиозный дух вообще. Она обособилась не от христианской религии во имя другой какой-либо; она не перешла от старой религиозности к новой; она не перешла даже к поискам новой. Она обособилась от христианской религии и ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту» [9. С. 155–156]. Секуляризация, подрывая нравственные основания христианской цивилизации провозглашением самоценности личности человека, утверждала языческие начала: материализм, индивидуализм, крайний эгоизм, культ личности и силы, приводившие в XX в. ко всем известным проявлениям жестокости.

Разность идейного ядра черносотенной и националистической (в том числе фашистской) доктрин обуславливала различное понимание проблемы мес-

сианства. Триединство ПСН в его национальном выражении следует рассматривать как явление, направленное на защиту и развитие духовного, культурного и политического идеалов русского народа, что совпадает с русским мессианством – выражением идеи о призвании России и русских в мире. Вслед за почвенниками Ф.М. Достоевским и И.А. Ильиным в сохранении верности Православной церкви и укреплении самодержавия черносотенцы видели грядущее духовное всемирно-историческое призвание России обеспечить единение человечества по заветам Христа. Данная «мессианская идея», изображаемая страшным экспансионистским жупелом в западной историографии, по сути своей глубоко гуманистична. Подчеркнем, что неверно расценивать черносотенное мессианство как проявление национальной исключительности. Представляется, что мессианство в его черносотенной трактовке типологически родственно знаменитой теории о Москве – Третьем Риме старца Филофея, где православная сущность Русского царства определялась не как привилегия, дарованная русскому народу для духовного чванства перед остальным миром, а как тяжкая обязанность, возложенная Богом на Россию. Данную мысль сформулировал духовный окормитель черной сотни Иоанн Кронштадтский: «Русь дана миру, чтобы свидетельствовать ему Правду о Христе». Будучи проникнуты православным сознанием, идеологи черной сотни не ставили цели кардинального изменения земного мира и построения общества «социального благополучия». Задачи своих организаций они видели в миссии охранения Православия, подвергшегося в начале XX в. ударам со стороны носителей различных секулярных учений. В отличие от националистических и фашистских доктрин, черносотенцы проповедовали не самоутверждение в земном мире, не его подчинение себе и переделывание под собственные замыслы, а сохранение Веры, что и составляло, по их мнению, историческое предназначение России.

Заимствовав идею Ф.М. Достоевского о русском народе как народе мессианском, «народе-Богоносце», призванном спасти Европу от бездуховности, идеологи черной сотни верили в его особое предназначение борьбы с материализмом, заложенным в основе либерализма и социализма. Исходя из консервативной идеи самобытного пути развития России, они считали, что русским суждено заложить новый фундамент духовного просвещения, опирающегося на православие. Вслед за славянофилами, противопоставившими духовному упадку Запада высокие потенции духовного развития русского народа, они считали, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку. Чтобы спасти мир от духовной катастрофы, Россия должна встать в центре мировой цивилизации и на основе православия принести свет истины западным народам. Однако это сможет произойти только тогда, когда сам русский народ проявит свои духовные силы, очистится от наносного псевдопросвещения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Гибель западной цивилизации, пораженной секуляризмом и язвой рационализма, неизбежна, и спасти ее может только восприятие православной цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа.

Крайне правые рассматривали русское православное мессианство как дело далекого будущего. Современный им православный народ и православное царство не были готовы к осуществлению возложенной на них миссии. Само появление черной сотни – симптом глубокой болезни государства и народа, истоки которой лежали в царствовании Петра. Только сохранив свою духовную самобытность, которая должна проявиться во всех сферах жизни (в том числе и в государственном строительстве, где русские, со времен Петра, чаще подражали более творческим народам), опасность стать задворками разлагающегося «цивилизованного человечества» могла быть преодолена. Акцент на духовную сторону совершенствования обусловил у черной сотни отсутствие программы внешней экспансии. Это также отличало их от фашистов, для которых было характерно подчинение всей внутренней жизни своих стран решению внешнеполитических задач. В отличие от русских националистов, черносотенцев борьба за «место под солнцем» или завоевание колоний не интересовала. Все внешнеполитические задачи для черной сотни сводились лишь к поддержанию территориального статус-кво и имели несравненно меньшее значение перед решением внутривнутриполитических задач. Таким образом, разность лежит и в мессианстве черносотенцев и фашистов: если первые желали посредством распространения православия всех «воскресить» и «спасти», то фашизм преследовал явно противоположные цели.

Литература

1. *Русское знамя*. 1907. 13 мая.
2. *Русское знамя*. 1906. 9 янв.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 2. Д. 1.
4. *Вестник Союза русского народа*. СПб. 1912. № 104.
5. *Русское знамя*. 1908. 20 янв.
6. *Прямой путь*. СПб. 1912. Вып. V (май).
7. *Уваров СС*. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // *Река времен*. Кн. I. М., 1995.
8. *Русское знамя*. 1911. 9 марта.
9. *Ильин И.А.* Собрание сочинений. М., 2001.